

Крестьянство республик Волго-Вятского региона в годы Великой Отечественной войны (о факторах труда)

© С.И. Васильева

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Рассмотрена проблема мотивации крестьянского труда в годы Великой Отечественной войны. В центре внимания автора — структура мотивации труда, патриотизм как главная составляющая труда в условиях военного времени и изменение стимулов труда в конце войны в связи с организационно-хозяйственным ослаблением колхозов региона и тяжелым продовольственным положением, сложившимся в автономных республиках Волго-Вятского региона. При написании статьи использованы неопубликованные архивные источники, главным образом, материалы пленумов обкомов партии республик Волго-Вятского региона.

Ключевые слова: *Волго-Вятский регион, советское крестьянство, колхозы, мотивация труда, производственная активность, экономическое стимулирование, советский патриотизм.*

Аграрная проблематика занимает важное место в российской историографии. Один из ее аспектов — проблема труда, влияние военного фактора на развитие производственной активности колхозного крестьянства в 1941–1945 гг. На примере материалов автономных республик Волго-Вятского региона в таком ракурсе тема рассматривается впервые. Автор ставит задачу: детально проанализировать структуру мотивации, обратить особое внимание на динамику производственной деятельности и изменение мотивационных факторов к концу войны.

Советские историки традиционно уделяли огромное внимание трудовому подвигу крестьянства. В настоящее время тема трудовой деятельности находит отражение в трудах М.А. Выльцана, В.В. Кондрашина, В.А. Сомова и других историков. В целом, несмотря на интерес к указанной проблематике, ее контуры в современной историографии не до конца обозначены (соотношение различных стимулов на различных этапах войны, изменение динамики труда и пр.), привлекается мало архивных источников, кроме того, некоторые положения и выводы, сделанные авторами, вызывают противоречивую оценку. В частности, В.А. Сомов, рассуждая о влиянии различных факторов на поддержание трудовой дисциплины во время войны (патриотизм, страх перед наказанием, идеологические убеждения?), делает вывод о том, что, «с точки зрения историка, представляется возможным признать действительность и практическую значимость в

совокупности всех перечисленных факторов» (15, с. 100). Соглашаясь с высказанным В.А. Сомовым положением в целом, трудно поддержать его утверждение, что только к концу 1942 г. в сознании народа окончательно укрепилась мысль о необходимости подчинить свой труд интересам государства и организовать его по-военному. Такое понимание сложилось, скорее всего, уже к концу 1941 г., а может, и раньше [15, с. 100]. Так, благодаря применению целого ряда мобилизационных, организационно-хозяйственных мер в колхозах прибавилось порядка, колхозники стали более дисциплинированными (на изменение отношения к труду, возросшую производственную активность указывали председатели колхозов Марийской АССР уже в первые месяцы войны). Аналогичные процессы происходили во время войны в колхозах и совхозах Мордовии и Чувашии.

Экономическое стимулирование труда колхозников в годы войны ослабло, оплата трудодней резко сократилась. Однако само значение трудодня в целом возросло, поскольку оплата труда, какой бы низкой ни была, нередко давала возможность получать тот минимум, который спасал тружеников деревни от голода. Кроме того, имела место и определенная дифференциация среди колхозов по оплате труда колхозников. Экономическое стимулирование работы поддерживалось на удовлетворительном уровне в колхозах, сохранивших, несмотря на тяготы военного времени, достаточный уровень производства. Таких хозяйств, по примерным подсчетам, в Марийской АССР в 1943–1944 гг. имелось порядка 20–30 %. Больше таких хозяйств было в Чувашии, которая в условиях войны успешно справлялась с выполнением обязательств по государственным поставкам и обеспечивала большинство колхозников необходимым прожиточным минимумом. Однако гораздо меньше было подобных хозяйств в Мордовии. В отстающих же, разоренных войной колхозах зачастую на первый план выступали меры принудительного порядка, за счет которых поддерживались дисциплина и трудовое участие колхозников в общественном хозяйстве.

В годы войны в целом система принудительных мер превалировала, поскольку характер труда в колхозах не изменился, он оставался принудительным по своей сути. Кроме того, война потребовала ужесточения и усиления методов внеэкономического принуждения крестьянства к труду. В апреле 1942 г. специальным постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) был введен повышенный минимум трудодней для колхозников страны (в Марийской АССР — 100 трудодней, Мордовии и Чувашии — 120). Впервые был установлен обязательный минимум трудодней для подростков в возрасте от 12 до 16 лет — не менее 50 трудодней. В дальнейшем соответствующим указом Президиума Верховного Совета СССР были определены меры наказания для колхозников, не выработывавших установленного мини-

му, — исправительно-трудовые работы в течение 6 месяцев с отчислением 25 % доходов в пользу колхоза и как крайняя мера — исключение из колхозов [3, с. 301, 310].

Политика ужесточения государства по отношению к крестьянству и деревне проявилась и в создании постановлением ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1941 г. системы чрезвычайных органов — политотделов МТС и совхозов, перед которыми была поставлена задача — улучшение дисциплины и организации труда не только в МТС, но и в колхозах страны в целях своевременного выполнения ими планов сельскохозяйственных работ и поставок сельскохозяйственной продукции государству (в мае 1943 г. они были упразднены) [10, с. 260].

Принятие таких решений в условиях военного времени способствовало усилению мер контрольного и идеологического воздействия со стороны государства, укреплению трудовой дисциплины и более рациональному использованию имеющейся рабочей силы. Одновременно на протяжении войны разрабатывались и принимались меры, направленные на совершенствование организации и оплаты труда в колхозах. В связи с этим шире применялись различные формы материального поощрения производительного труда колхозников. Однако реалии военного времени были таковы, что их применяли лишь в небольшом количестве колхозов. В основной же массе общественных хозяйств выдача продукции сводилась к минимальной оплате начисленных трудовых, а нередко лишь к авансированной выдаче продуктов во время проведения уборочных работ. Так, в 1943 г. дополнительная оплата труда была начислена в Марийской АССР всего лишь в 76 колхозах (4,0 %), Мордовии — в 340 (22,3 %), Чувашии — в 365 (21,8 %) [9, д. 3456, л. 79, 80].

В то же время необходимо подчеркнуть, что война кардинальным образом изменила всю структуру мотивации труда, с первых же дней пробудила у тружеников деревни патриотические чувства, вызвала желание работать во имя победы, не жалея сил и не считаясь со временем. И поэтому в те годы именно патриотизм стал лейтмотивом всей трудовой деятельности, ее движущей силой, побудил крестьян работать, нередко забывая о лишениях и тяготах военного времени. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что в каждой семье был солдат, ушедший на фронт. Поэтому нельзя не согласиться с выводами, сделанными М.А. Вылцаном и В.В. Кондрашиным: «Размышляя о судьбах российского крестьянства, нельзя не задуматься над следующим вопросом: почему крестьянство, понесшее столько обид и притеснений от сталинского режима, в подавляющей своей массе встало на защиту своей Родины, Советского государства в годы Великой Отечественной войны, проявив подлинное самопожертвование и на фронте, и **в тылу** (выделено авт.). Ответ на поставленный выше во-

прос, думается, не так уж сложен: истинная причина — в патриотизме русского человека» (но почему только русского? Патриотизм в годы войны был всесоюзным явлением — *авт.*) [5, с. 51].

О том, как работали во время войны труженики, сколько сил и времени они отдавали колхозному производству, рассказывал в своих воспоминаниях один из руководящих работников Марийской АССР П.А. Алмакаев: «В деревнях остались в основном женщины, дети и старики, и приходилось только удивляться, откуда у них брались силы, каждый трудился за пятерых. Доходили до изнеможения, но не жаловались, понимая, что на войне воюют их отцы, братья, сыновья, что их нужно обеспечить питанием, одеждой, вооружением. Лозунг «Все для фронта, все для победы!» был не просто лозунгом, он глубоко проник в сознание всех работающих в тылу» [1, с. 128]. Наглядным свидетельством самоотверженного труда и высокой трудовой активности колхозников стала динамика показателей выработки трудодней. В колхозах Марийской АССР в 1944 г. в целом было выработано одним трудоспособным колхозником 254 трудодня вместо 208 в 1941 г. (одним трудоспособным мужчиной — 319 вместо 266, женщиной — 243 вместо 174). Активизировалась трудовая деятельность подростков, престарелых и больных колхозников. Необходимо также указать, что несмотря на то, что на последнюю категорию работников не распространялось положение об обязательном минимуме трудодней, их средняя производственная выработка превосходила размеры обязательного минимума — в период войны эта группа колхозников выработывала по 100 и более трудодней: в 1942 г. — 143, в 1943–1944 гг. — 116—117 [4, с. 25, 34].

О напряженном и самоотверженном труде колхозников свидетельствовали итоги социалистических соревнований. Распространению различных форм соревнования уделялось огромное внимание [2, с. 100]. В Марийской АССР, в частности, широкий размах получили стахановское движение за ударный труд, соревнования комсомольско-молодежных тракторных бригад за выполнение сезонных норм выработки и др. [4, с. 26].

Передовики производства поощрялись и материально, и морально, награждались значками «Отличник социалистического сельского хозяйства», их имена заносились на доску почета, их чествовали на районных совещаниях передовиков сельского хозяйства и т. д. Так, в 1942 г. 21 трактористка Марийской АССР за отличные показатели на весеннем севе была награждена значком «Лучшая трактористка СССР», 84 работника сельского хозяйства получили звание «Отличник социалистического сельского хозяйства», Почетной грамотой Верховного Совета Марийской АССР были награждены в 1942 г. 152 колхозника, в 1943 г. — 106. Примечательно и то, что нередко целые

районы республики становились победителями социалистического соревнования. Например, в 1944 г. Горномарийский и Еласовский районы, добившиеся успехов в развитии сельского хозяйства, были признаны победителями социалистического соревнования по итогам года в республике. Горномарийский район, выполнивший план ярового и озимого посевов на 109,6 %, подъема паров на 101,6 %, плановые задания по хлебо- и мясopоставкам на 108 %, решением СНК СССР был признан победителем Всесоюзного социалистического соревнования с вручением переходящего Красного знамени ГКО и денежной премией. Указом Президиума Верховного Совета СССР лучшие партийные, советские и работники сельского хозяйства двух указанных выше районов были награждены орденом Отечественной войны 2-й степени [4, с. 27, 28].

Напряженно трудились на полях и фермах колхозники Мордовии и Чувашии в годы войны. За достигнутые результаты в развитии животноводства и земледелия Чувашия дважды — в 1942 и 1943 гг. — была удостоена вручения переходящего Красного знамени ГКО. В 1942 г. 160 колхозников были награждены значками «Отличник социалистического сельского хозяйства», 175 передовиков сельского хозяйства и лучших механизаторов МТС (в 1943 г. — 800) — Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Чувашской АССР. За ударный труд 159 передовиков сельскохозяйственного производства были награждены орденами и медалями СССР, свыше 100 тыс. человек — медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», более тысячи человек — Почетными грамотами Президиума Верховного Совета ЧАССР [8, с. 229, 233].

В 1942 г. за успешную уборку урожая и своевременное выполнение государственных поставок были занесены на республиканскую доску почета 60 колхозов Мордовии, в 1943 г. — 97, в 1944 г. — 50 [11, д. 1253, л. 147]. Многие колхозники, механизаторы и специалисты сельского хозяйства за самоотверженность, проявленную в труде, награждены Почетными грамотами Президиума Верховного Совета МАССР, свыше 75 тыс. — медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» [7, с. 54, 58, 61].

Однако с годами положение в аграрном секторе тыловых районов все более осложнялось, становилось больше колхозов, оказавшихся на грани почти полного развала и нищеты. В таких хозяйствах экономическое стимулирование было минимальным, выдача хлеба не производилась годами, в итоге происходило почти полное обесценивание труда, что приводило к падению трудовой дисциплины и снижению производственной активности колхозников. Так, в выступлении уполномоченного Госплана СССР по Чувашской АССР Г.Д. Горбатенко на очередном пленуме Чувашского обкома ВКП(б) в

июне 1944 г. говорилось: «Имеется много фактов, говорящих о том, что многие колхозники в отстающих районах работают плохо, мало интересуются колхозным хозяйством. Известны случаи, когда колхозники, посланные туда из других районов, работают лучше, чем свои колхозники. Получается это потому, что в некоторых колхозах труд совершенно обесценен и утратил всякий авторитет» [12, д. 2004, л. 114 об.]. Аналогичные явления происходили и в колхозах Мордовии, на что указывалось на очередном пленуме обкома ВКП(б) в ноябре 1945 г.: «Всем известно, что в отстающих колхозах в разгар самых горячих работ десятки, а иногда сотни колхозников совершенно не работают в поле или работают по 3 — 4 часа в сутки, тогда как непрополотые посевы гибнут, неубранный урожай пропадает» [13, д. 1261, л. 107].

Наглядным свидетельством снижения уровня трудовой активности колхозников явилось и то, что в 1944 г. в отдельных районах региона наметилась тенденция роста числа колхозников, не выработавших установленного минимума трудодней. Сообщалось, например, что в Старошайговском районе (район числился наиболее отстающим в Мордовии) в колхозах из 5 815 трудоспособных колхозников не выработали установленного минимума 2 105 (36,2 %), причем в колхозе «Память Кирова» Старошайговского сельсовета из 185 трудоспособных колхозников не выработали минимума 112 (60 %), в колхозе им. Андреева этого же сельсовета среднегодовая выработка составила всего 101 трудодень. При этом в колхозе имело место массовое невыполнение минимума трудодней, констатировалось, что «на всех основных полевых работах работают в колхозе только подростки, а взрослые колхозники в это время трудятся на своих приусадебных участках» [13, д. 1260, л. 42]. Выросла в регионе и доля колхозников, не выработавших установленного минимума трудодней за период с 1940 по 1944 г.: в Мордовии с 22,9 % до 27,0 %; Чувашии — с 12,8 % до 14,8 % [6, с. 45].

Снижение трудовой активности крестьянства на заключительном этапе войны объяснялось прежде всего тяжелым продовольственным положением, экономическими трудностями, переживаемыми большинством хозяйств в это время. Отмечалось, например, что «около 400 колхозов (26 %) Мордовии в течение последних пяти лет выдают на трудодни от 100 до 500 граммов, да и то большую часть выдают печеным хлебом во время уборки» [14, д. 114, л. 20]. Полуголодное существование, употребление суррогатов в пищу в течение нескольких лет, хроническая усталость, отсутствие физических сил в таких хозяйствах служили причиной слабого участия колхозников в общественном производстве. Например, в 1944 г. тяжелое положение сложилось в целом ряде хозяйств Красночетайского района Чувашии.

Так, на момент проверки в колхозе «Новая жизнь» этого района «не был закончен подъем пара на 6 га земли; не был прополот и окучен картофель; также плохо организована уборка урожая в отдельных бригадах». В документе отмечалось: «Колхозники такое отставание в проведении полевых работ объясняют тем, что из-за недоедания и истощения у них пухнут люди, многие по этой причине не выходят на работу, некоторые умерли: умер П. Константинов, его жена, И.С. Макаров и его жена в возрасте 45—46 лет, И. Терейкин — 40 лет, умерли дети фронтовиков А. Максимов и П. Максимов — 7 и 9 лет и другие». В материалах проверок приводились и другие факты: «В колхозе им. Ф. Энгельса из-за отсутствия хлеба на работу выходят не все, некоторые колхозники настолько обессилены, что умирают прямо в поле: 31 июля умерли Ильин Алексей, М. Храмова; с 1 января по 1 июля 1944 г. в колхозе умерло от истощения более 60 человек. Детские ясли в колхозе не организованы, матери берут своих детей в поле и кормят их кашей, сваренной из ржи» [14, д. 262, л. 36, 37].

Снижение трудовой активности определенной части колхозников было связано и с общим организационно-хозяйственным ослаблением множества колхозов к тому времени, недостатками в организации и оплате труда, его обезличиванием. На это, в частности, указывала в своем выступлении секретарь Ромодановского райкома партии Хавченко на 19-м пленуме Мордовского обкома ВКП (б) (декабрь 1944 г.): «Резкое падение трудовой дисциплины среди колхозников в связи с неудовлетворительной организацией труда; работа скопом, уравнительное начисление трудодней без учета количества и качества затраченного труда каждым колхозником» [12, д. 957, л. 102]. При этом наблюдалась потеря интереса к общественному труду не только рядовыми колхозниками, но и членами администрации колхозов. «Чамзинский район находится в исключительно тяжелом положении на протяжении 5 — 6 лет, в течение этого времени в некоторых колхозах колхозникам не выдавали хлеба, и в связи с этим трудовая дисциплина упала не только среди колхозников, но и среди руководящего состава — председателей колхозов, бригадиров и других работников» [13, д. 1260, л. 71].

Кроме того, в ряде колхозов имело место ослабление трудовой активности крестьян и передовых хозяйств, что было связано с нарушениями принципов колхозной взаимопомощи, когда по требованию местных властей передовые колхозы оказывали помощь зерном, рабочей и тягловой силой отстающим хозяйствам без дальнейшей компенсации. Об этом, в частности, говорилось на пленуме Марийского обкома ВКП(б) в июле 1944 г.: «В республике в ряде колхозов допустили нарушение колхозной демократии и принципа организации колхозной взаимопомощи. В результате даже в лучших

хозяйствах перестали оплачивать трудодни, так как зерно отдавали на помощь отстающим колхозам (как правило, по требованию и решению местных властей — *авт.*). В некоторых колхозах колхозники стали смотреть на колхозное хозяйство как на чужое, не приносящее им лично никакого материального блага и морального удовлетворения, стали нарушать трудовую дисциплину, отказываться от работы в колхозе, расширять личные приусадебные хозяйства. В Пектубаевском, Новоторьяльском и других районах именно в тех колхозах, где допущена низкая оплата трудодней, были вскрыты факты массового разбазаривания колхозных земель. ... в сельскохозяйственной артели им. Молотова из-за низкого урожая колхозники в течение трех лет не получали зерно на трудодни — колхозники стали раздувать личное хозяйство и получать с него доходы» [12, д. 890, л. 243].

Полуголодное существование колхозников, голод, который охватил многие колхозы Мордовии в 1943–1944 гг., стали причиной и других негативных явлений колхозного производства — массового распространения в ряде мест и даже целых районах воровства и хищения колхозной продукции. В материалах 16-го пленума Мордовского обкома ВКП(б) в ноябре 1943 г. констатировалось, например, что в «некоторых колхозах воровство хлеба является обыденным делом, так как в этих колхозах хищение хлеба продолжается на протяжении ряда лет» [11, д. 1253, л. 229]. На 19-м пленуме обкома ВКП(б) в декабре 1944 г. сообщалось о том, что «в колхозах Мордовии в период уборки и хлебосдачи хищение зерна приняло массовый характер» [12, д. 957, л. 212]. Характерным в связи с этим было высказывание одной колхозницы, которое приводилось в выступлении секретаря Саранского райкома партии Карпова: «Колхозница своровала хлеб, ей 60 лет, у нее пятеро детей (*ред. авт.*) и она призналась в воровстве. Я, говорит т. Карпова, воровала, и воровала потому, что у меня дети, хлеба колхоз не дает, и я вынуждена воровать, я знаю, что делаю нехорошо, но я вынуждена это делать. Но вот посмотрите, что делают наши начальники: председатель ворует мешками, бригадир — мешками, колхоз целиком разворован, поэтому нам ничего не приходится на трудодни». В 1945 г. указанные выше тенденции в колхозном производстве Мордовии заметно усилились. В выступлении, прозвучавшем на 21-м пленуме обкома ВКП(б) в марте 1945 г., в частности, говорилось, что «хищение колхозного добра и особенно хлеба приняло настолько широкие размеры, что в ряде случаев это угрожает существованию колхозов. Жулики настолько обнаглели, что открыто угрожают председателям колхозов, органы милиции и прокуратуры очень плохо ведут эту борьбу» [13, д. 1259, л. 153, 84].

Аналогичная ситуация наблюдалась и в ряде мест Чувашии. Осенью 1943 г. в отдельных колхозах, в первую очередь в отстающих, «разворовали хлеб на корню, разворовывали из амбара» [12, д. 2004, л. 52 об.]. Хищения не прекращались и в 1944 г. «Мы имеем много фактов хищения семенного материала... по данным 9 районов, и это неполные данные, сюда входят Вурнарский, Ибресинский, Марпосадский, Первомайский, Цивильский и др. Только в январе и во второй половине февраля похищено 224 ц зерна: милиция вернула 180 ц, но 44 ц не выявлено. ...а по всей республике, безусловно, количество похищенных семян у нас гораздо больше» (выдержка из выступления начальника управления НКВД Н.И. Калашникова на 18-м пленуме в марте 1944 г. обкома ВКП(б) [12, д. 2003, л. 46 об.]. «В ряде колхозов Чкаловского, Шемуршинского, Кувакинского, Порецкого районов разворовывание хлеба стало системой, а отдельные колхозники кражу хлеба считают основным источником своего существования» (из материалов 19-го пленума Чувашского обкома ВКП(б) в июне 1944 г.) [12, д. 2004, л. 27].

Тяжелое продовольственное положение, сложившееся во многих районах региона, также послужило причиной того, что многие председатели колхозов в условиях голода вынуждены были идти на нарушение закона о 15-процентном расходовании хлеба на внутрихозяйственные нужды. Характерно, что в Чувашии из проверенных 919 колхозов в 273 (30 %) осенью 1944 г. были установлены факты нарушения закона об авансировании на внутрихозяйственные расходы колхозов. В период уборки в колхозе «Путь Ильича» Красночетайского района был израсходован на внутрихозяйственные цели 141 ц, а государству сдано 170 ц; в колхозе «Большевик» Чкаловского района с первого дня обмолота израсходовано 52 ц, а государству не сдано ни одного килограмма, в Комсомольском районе 18 колхозов незаконно израсходовали 774 ц хлеба [12, д. 2005, л. 22]. Применялись и различные другие способы уклонения от сдачи хлеба государству. В частности, имели место факты, когда колхозники сознательно затягивали молотьбу в целях дальнейшего присвоения хлеба. Например, в колхозе им. ОГПУ «на протяжении ряда лет затягивали уборку, круглый год производили молотьбу и весь год разворовывали колхозный хлеб». Были и такие случаи, когда «колхозники сознательно выводили из строя молотилку, бросая в барабан железные палки, с тем чтобы затянуть молотьбу... в связи с этим приходилось в эти колхозы посылать специальные бригады, с тем чтобы быстрее завершить молотьбу» [11, д. 1253, л. 229, 233].

Таким образом, война особым образом сказалась на сфере труда, многое изменила в его мотивации и соотношении различных стимулов в производственной деятельности колхозного крестьянства страны. На первый план в экстремальных условиях выступили патриоти-

ческие мотивы, которые в большинстве своем были определяющими. Однако к концу войны наметились и другие тенденции в структуре мотивации труда. Экономические трудности, организационно-хозяйственные неполадки, тяжелое продовольственное положение, а в связи с этим голод, получивший распространение в целом ряде мест региона, стали причиной ухудшения трудовой дисциплины в колхозах и снижения трудовой активности части крестьянства.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Алмакаев П.А. *Годы и люди: воспоминания, размышления*. Йошкар-Ола, Марийское книжное издательство, 1998, 270 с.
- [2] Анисков В.Т. *Крестьянство против фашизма. 1941–1945. История и психология подвига*. Москва, Памятники исторической мысли, 2003, 502 с.
- [3] *Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг.* Москва, Сельхозгиз, 1948, 640 с.
- [4] Васильева С.И. Труд во имя Победы (по материалам Марийской АССР 1941–1945 гг.). *Марийский археографический вестник*, 2010, № 20, с. 20–35.
- [5] Вылцан М.А., Кондрашин В.В. Крестьянство и сельское хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны. *Общество и власть. XX век*. Саранск, НИИГН при Правительстве РМ, 2006, с. 34–57.
- [6] *Исторический архив*, 1962, № 6, с.19–68.
- [7] *История советского крестьянства Мордовии*. Ч. 2. Саранск, Мордовское книжное издательство, 1989, 222 с.
- [8] *История Чувашии новейшего времени*. Кн. 1: 1917–1945. Чебоксары, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2001, 262 с.
- [9] *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. А-310. Оп. 1.
- [10] *КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1985)*. Т. 7 (1938–1945). Москва, Политиздат, 1985, 574 с.
- [11] *Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)*. Ф. 17. Оп. 43.
- [12] *РГАСПИ*. Ф. 17. Оп. 44.
- [13] *РГАСПИ*. Ф. 17. Оп. 45.
- [14] *РГАСПИ*. Ф. 17. Оп. 123.
- [15] Сомов В.А. По законам военного времени. Очерки истории трудовой политики СССР в годы Великой Отечественной войны. Нижний Новгород, Нижегородский университет, 2001, 155 с.

Статья поступила в редакцию 10.01.2014

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Васильева С.И. Крестьянство республик Волго-Вятского региона в годы Великой Отечественной войны (о факторах труда). *Гуманитарный вестник*, 2014, вып. 1. URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/histarch/russhist/147.html>

Васильева С.И. старший преподаватель кафедры социологии и культурологии Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана, кандидат исторических наук. e-mail: svvasiljeva50@mail.ru, e-mail: vassvetl50@mail.ru